

Иван Емец

Еще был достаточно теплый сезон, и, как вы уже знаете, из-за того, что не было чем поживиться, у нас мама нарвала лебеды. Насушила листочки, перетерла, и как-то там - не знаю, Бог милостивый знает – на воде слепила их вместе, и на какой-то кусок жести, или чего-то там - может это была сковорода, не знаю, - поставила камни, развела огонь, и так села у огня. А я у нее в подоле, тут, сидел. Ждем тех блинов, что мама печет. А тут, откуда ни возьмись... Была такая группа, «ячейка», как-то так (называлась), от какой-то, как там уже сказать, коммунистической партии, какие-то прихвостни. Так, как вот был комсомол - так был партком, а то были ячейки, так они назывались.

Ну, приехало их трое. Приехали на конях, ну, и, вы знаете, что это был даже далекий родственник мамин. Ну вот, приехали они, и я вижу, что приехали дяди на конях - ну, и красиво! Смотрю я на них, а тот родственник мамин – сошел с коня и ногой перевернул это все, что мама, это... Мама даже не пошевелилась. Мама даже с ними не очень пререкалась, - не думаю - потому что я остался у нее, в подоле, сидеть. А они покричали, покричали, собрались и поехали.

Вы не имели права говорить об этом. Этого «не было, нет, и не будет!» - не было такого. Я же говорю, что мы дошли до такого момента в жизни, - еще перед войной, задолго перед войной, - что муж не верил своей жене - кто она, а она не верила своему мужу - кто он есть. А позднее, когда дети начали уже ходить в школу, или что, они уже начинали не доверять своим детям. Потому что учителя поучали так: «А что мама и папа говорят? А что мама и папа делают?»